

«Ubi fides, ibi libertas» (Св. Амвросий)

Хулиан Каррон

**Заметки с Собрания ответственных движения Общение и Освобождение в
Италии.**

Печенго ди Лацизе (Верона), 3 марта 2013 г.

1. Настоящее проблематичное поведение

Что показали нам результаты выборов и ситуация в которой мы живем? Отбросив в сторону возможные анализы этих обстоятельств, ответим на вопрос, что они говорят каждому из нас отдельно и нам как христианской общине?

Мне кажется, что здесь не требуется особой гениальности, потому что, даже судя по результатам, можно четко увидеть всеобщую разобщенность и смятение: с одной стороны, торжество идеологий, а с другой – замешательство многих людей. Какой вопрос ставят перед нами эти факты? О чем говорит нам тот факт, что многие, со столь часто смутным и неясным стремлением к переменам находятся в поиске чего-то другого и голосуют соответствующим образом? Только если мы осознаем всю серьезность нашей ситуации, мы можем понять, насколько мы можем доверять возникающим предложениям и попыткам разрешения сложившегося положения. Может достаточно что-то “унести для себя”? Поменять слова местами? Достаточно придумать новые инструкции? Иными словами, может ли морализм коренным образом изменить ситуацию? Я оставлю этот вопрос открытым. Давайте не будем считать его понимание само собой разумеющимся. Желаю, чтобы у всех нас была возможность помогать друг другу, обращая внимание на все знаки, понять природу вызова, который нам брошен.

Каков источник ситуации, в которой мы находимся? Отец Джуссани приходит нам на помощь, показывая, что это источник укореняется в том, что началось очень давно. Не понимая причину современной раздробленности, мы рискуем найти решения, являющиеся частью проблемы, ухудшающие, усложняющие ее, вместо предложения реальной альтернативы. Поэтому я позволю себе перечитать некоторые отрывки из работ отца Джуссани, которые кажутся мне важными, если у кого-то есть лучшее толкование, то пусть он предложит и проверит его. Он указывает на то, очевидное для всех смятение, в котором мы находимся, кроется в нашей поведении современного человека, в том факте, что мы разделяем человеческую позицию, в которой отсутствует проблематика: «В нашем поведении

современных людей по отношению к религиозной проблеме не хватает проблематичности; это обычно не настоящее проблематичное поведение». (*Зачем Церковь*, Христианская Россия, Москва 2004, с. 41). Сейчас, глядя на события всего года, мы имеем ясный вопрос, мы можем лучше понять, лучше уловить ответ, который дает отец Джуссани. Несмотря на то, что мы знаем его, мы словно только сейчас можем понять все его значение.

Что значит, что у нас нет настоящего проблематичного поведения? Это значит, что мы «уже знаем», что в нас нет истинной потребности понять, что у нас нет необходимого любопытства, чтобы понять. Иногда, как это случилось и по отношению к выборам, игра закончена еще до начала партии: у каждого уже есть определенное понимание, объяснение всего того, что происходит. Вот что говорит отец Джуссани: «Жизнь – это поток событий и встреч, которые провоцируют сознание, создавая проблемы различными способами. Проблема – это не что иное как динамика реакций на провоцирующие столкновения» (*Ibidem*, с. 41). Все находится в источнике в, изначальном контрударе, в реакции на то, что происходит, в ответе на толчок реальности, на возникновение любого события (а не потом, когда мы строим по этому поводу теории): мы либо принимаем что, во встрече с обстоятельствами выявляется вопрос, проблема, либо «мы уже все знаем». Если «мы уже все знаем», то проблема даже не возникает. И в таком случае зачем мне тратить силы, почему я должен что-то делать? Однако самая серьезная вещь заключается в том, что без проблематичности, без истинного проблематичного поведения, без принятия вызовов, которые бросает нам реальность, мы не можем понять смысла жизни, потому что «и смысл жизни (как и вещей, связанных с ней или важных для нее) есть цель только для того, кто занят проблематикой жизни в полном ее объеме» (*Ibidem*). Основополагающими словами являются «в полном объеме». Я уверен, что все мы, так или иначе, вовлекаемся в жизнь, иначе нас не было бы здесь, но настоящий вопрос заключается во всеобъемлющем характере подхода, это настолько верно, что даже за большим возбуждением может скрываться недвижимый, скованный центр «я», и так долгие годы. А потом этот человек рассказывает конкретные факты своей жизни и этим хочет показать, что он продолжает движение. Однако возбуждение может скрыть факт, что человеческая суть часто остается неподвижной. Фарисеи делали гораздо больше, чем мытари, но центр их «я» оставался неподвижным. А тот, кто неподвижен в глубине своего бытия, никогда не откроет смысла жизни, который является целью, достижимой только для того, кто позволяет себе быть вовлеченным и принимает вызов «проблематики самой жизни во всем ее объеме». От чего зависит достижение смысла? От вовлеченности в полноту жизни. Именно в этом отец Джуссани видит источник нашего затруднения.

Что обнаруживает в нас истинное проблематичное поведение, когда мы находимся перед реальностью, принимая вызов, который она нам бросает? «Постановка проблемы вызывает интерес, интеллектуальное любопытство, постановка проблемы отлична от сомнения [от скептицизма, от заранее известного], динамика которого разрушает активный динамизм интереса и поэтому постепенно отчуждает объект». Таким образом, интерес и любопытство с одной стороны, отчуждение, - с другой. И объектом, который, в отсутствии проблематичности, отчуждается, может стать наше окружение, «поток событий и встреч», с которым мы сталкиваемся, «ткань обстоятельств», в которых мы находимся. Проблематичное поведение, напротив, - это наша расположенность «к поведению, провоцируемому со стороны проблемы» (*Ibidem*), всеобъемлимостью жизни. Иначе что мы видим в себе? «Однобокий и враждебный» способ пребывания в реальности, который сегодня очевиден всем, из-за которого каждая «проблема будет казаться несостоятельной и человеческая личность не дорастет до нее, окажется неполноценной в отношении к ней» (*Ivi*, с 41). Кажется, что это написано специально для сегодняшнего дня, это описание нашей неполноценности в том, как мы действуем современной ситуации, у нас не получается быть не поверженными ею.

Джуссани определяет начало такой трудности в возникновении процесса выворачивания органического и единого менталитета, способного улавливать связь между жизнью и ее смыслом и поэтому адекватно рассматривать каждый отдельный шаг. «Истоки этого ослабления органического мышления [...] лежат в неизменной возможности человеческой души, в несчастной возможности пренебрежения к реальности в ее полноте, в недостатке интереса и любопытства» (*Ibidem* с. 42). На прошлой неделе, читая лекцию по первой главе *Религиозного чувства* в Католическом университете, я обратил особенное внимание на слова Алекса Карреля, которого отец Джуссани цитирует в начале книги: «В изматывающей устроенности современной жизни, притупляющей чувствительность, свод правил, привносящих в жизнь ее содержание, утрачен». Почему? Потому что «большая часть испытаний, предназначенных для человека самими мирозданием, исчезла, - а вместе с ними исчезло и стремление личности к созиданию...» (ср. *Riflessioni sulla condotta della vita*, Vompriani, Milano 1953, pp. 27ss; цит. по: *Религиозное чувство*, Христианская Россия, Москва 2004, с. 5). Слова Карреля интересны нам не столько потому, что они желают нам испытаний, предназначенных нам самими мирозданием, столько тем, чтобы еще раз подтвердить, что без вовлеченности в жизнь со всеми ее проблемами, не рождается субъект. Иными словами, если индивид не вовлекается в жизнь во всей ее совокупности, не возникает личности, и поэтому мы становимся «дрейфующими минами», которые мы часто видим

вокруг нас и часто даже среди нас. Отсюда возникает трудность суждения: «Грань между добром и злом стерлась» (*Ibidem*), замечает Каррель, человек рассеян, он не умеет вынести суждение и повсюду царит разделение. Это описание могло бы стать прекрасной иллюстрацией результатов выборов: повсюду царит разделение. Все это - знаки рассеянности, разделения, фрагментации, которыми мы живем в обществе. Однако, будем внимательны, вывод о том, что раз есть такая трудность, то необходимо дать людям инструкцию по применению, потому что они не в состоянии самостоятельно вынести суждение, окончательно бы ухудшил ситуацию. Вместо того, чтобы постоянно призывать людей к вовлеченности во всеобъемлющую реальность, чтобы не победила лень, чтобы не останавливался центр «я», и проявлялась личность каждого человека, мы даем инструкции, которые делают всех еще более ленивыми. Молодцы! Неужели так мы сможем разрешить проблему? На самом деле, мы вносим в способность «я» выносить суждение недоверие. И в том, как мы воспитываем, появляется это недоверие, то воспитание заканчивается! Мы все становимся потенциальными жертвами пропаганды других. Тот, чья способность выносить суждение будет заражена этим недоверием, будет повержен любым явлением и окажется во власти мнения того, кто кричит громче всех.

Но отец Джуссани снова удивляет нас. Действительно нам кажется очевидным, что чем более основополагающий и экзистенциально решающий вопрос перед нами, тем сложнее субъекту вынести суждение. Нет, нет и нет. Все наоборот «Чем большей важностью и чем более основополагающим значением обладает для человека какая-либо ценность [каковы основополагающие и базовые ценности в своей важности] — предназначение, привязанность, совместная жизнь [и таким образом политика] — тем в большей степени природа наделяет каждого умственными способностями для того, чтобы понять и вынести суждение» (*Религиозное чувство*, Христианская Россия, Москва 2004, с. 37). Читая отца Джуссани, мы все больше открываем что-то новое: имея новые вопросы, мы удивляемся тому, чего не заметили раньше. Совсем не верно то, что чем более жизненным является вопрос, тем более мы безоружны. Нет, нет и нет: тем больше природа дает каждому ума, чтобы познавать и выносить суждение. Поэтому, как подчеркивает он в третьей главе *Религиозного чувства*, «Пример с Пастером [...] кажется мне очевидным доказательством того, что сердцем проблемы человеческого познания не является особая способность ума (*Религиозное чувство*, Христианская Россия, Москва 2004), а правильное ее положение, точное положение (как он определяет это чуть позже). Таким образом вопрос заключается в том, говоря с воспитательной точки зрения, доверяем ли мы этой способности, данной нам природой, или заражаем ее недоверием по примеру власти. Здесь мы касаемся сути

воспитания: это доверять способности выносить суждение, которую Тайна поместила в каждого из нас, и которая служит для столкновения с самыми элементарными и основополагающими проблемами жизни, постоянно пробуждать и бросать ей вызов. Суть проблемы – пробудить в другом правильную позицию, точное отношение, чтобы позволить встретиться с любой проблемой. Каков первый знак того, что мы любим другого? Он в том, что мы пробуждаем его свободу, то есть, передаем ему уверенность в себя, если это происходит иначе, то слова об утверждении другого – это только болтовня.

Уверенность, что Тайна поместила в каждого из нас свободу и способность выносить суждение – это то, что позволяет в конечном счете понять, что Христос сделал с человеком.

2. Задача Христа и Церкви

Зачем пришел Христос? Вот что пишет отец Джуссани: «Иисус Христос пришел в мир не для того, чтобы замещать человека в его трудах, отнять у него свободу или устранить человеческие испытания, которые являются жизненным условием свободы. Он пришел в мир для того, чтобы, чтобы напомнить человеку суть всех вопросов, его основополагающую структуру и его реальное положение» (*У истоков христианского притязания*, Христианская Россия, 2010, с. 133). Воплотившись, Христос явил радикальность метода Тайны, чтобы постоянно пробуждать «я», чтобы вызвать это проблематичное поведение и вновь породить этот интерес, который приводит человека к вовлечению во всеобъемлющую реальность, осознавая смысл жизни. Он пришел не для того, чтобы заменить Собою нас, чтобы сделать из нас марионеток, кукол, но чтобы создать людей. «Иисус Христос пришел, чтобы вновь призвать человека к истинной *религиозности*, без которой всякое притязание разрешить проблему обращается в ложь. Проблема познания смысла вещей (истины), проблема использования вещей (труда), проблема полного осознания (любви), проблема человеческого общежития (общество и политики) поставлены неправильно и поэтому постоянно порождают все больший хаос [именно здесь кроется причина хаоса] в истории каждого отдельного человека и всего человечества, поскольку поиски их решения основаны не на религиозности», иными словами, мы подходим к ним без осознания нашего желания, нашей изначальной зависимости, то есть без осознания того, кто мы есть. «Задача Христа - не разрешить различные проблемы [это сделало бы нас еще большими марионетками], но призвать человека к той позиции, в которой он в более правильном ключе может постараться разрешить их. Этот труд, экзистенциальная функция которого состоит именно в такой попытке, касается вовлечения каждого человека» (*Ibidem*, 134).

Таким образом мы можем также помогать друг другу понять, каково истинное отношение между «я» и «мы», индивидом и общиной. То, о чем мы говорили, на самом деле собственно и является задачей Церкви: «Если бы Церковь ставила Своей целью [выдавать решения] сломить человеческое стремление к успеху, самовыражению, поиску [...] как те родители которые питают иллюзии, будто могут разрешить проблемы своих детей за них» (*Зачем Церковь*, цит. произ. с. 174). Есть такой способ произносить «мы», такой способ общения между нами, ведения общины, который аналогичен способу общения этих родителей и детей. Джуссани предупреждает нас, что речь идет об иллюзии. «Это было бы иллюзией для Церкви еще и потому, что тем самым Она не исполняла бы своих обязанностей воспитательницы». Решающим фактором является понимание воспитательной задачи, если мы хотим породить субъект, который был бы способен предстать социальной, культурной, политической ситуации, так, чтобы не быть поверженными обстоятельствами. «Кроме этого, это означало бы, с одной стороны, обесценивать сущностную историю самого феномена христианства, а с другой стороны – обеднить путь человека». Есть способ понимания христианства, который является обеднением пути человека. «Итак, Церковь не имеет непосредственной Своей целью дать человеку решение проблем, встречающихся на его пути. [...] Своей ролью в истории [как продолжении присутствия Иисуса в истории] она объявляет воспитание человечества к религиозному чувству [то есть к нужде, к осознанию нашего бытия], и мы видели также, что это подразумевает призыв к человеку занять правильную позицию по отношению к действительности и задаваемым ею вопросам [ее проблемам, потому что это поведение] ... представляет собой наилучшие условия для того, чтобы находить более верные ответы на эти вопросы». Отец Джуссани настаивает: «Весь спектр человеческих проблем не может быть изъят из сферы свободы и творчества человека, как если бы Церковь брала на Себя обязательство давать ему уже готовые решения [именно инструкции по применению], поскольку тем самым Она не исполняла бы Своих исконных воспитательных задач и лишала бы ценности время» (*Ivi*, сс. 174-175).

Искушение человека просить о том, чтобы его проблемы разрешились, не является новым. Джуссани приводит пример двух братьев, которые пришли к Иисусу: «Учитель, скажи моему брату, чтобы он разделил со мною наследство». Это то же самое, как спрашивать: «Ты можешь сказать мне за кого голосовать? Почему ты мне не говоришь?». И Иисус отвечает: «Кто поставил Меня судить или делить вас? При этом сказал им: смотрите, берегитесь любостыжания; ибо жизнь человека не зависит от изобилия его имущества» (*Лк* 12,13-15). Джуссани комментирует: «Этот эпизод прежде всего показывает, что, хотя эта история рассказана только у Луки, не было ничего необычного в том, что кто-то обратился к

Христу, как часто обращались к тем, кого считали учителями, за разрешением тяжб и споров. Это так естественно для человека – думать, что найден источник разрешения всех проблем! [Поразительно!] Иисус сразу же очищает поле от этого недоразумения, и Он, Который столько раз выступал непререкаемым судьей [Он не отказывался рассудить по стольким другим вопросам] [...], бросал вызов общественному мнению, дерзая их прощать [...], в данном случае считает нужным решительно заявить, что решение этого дела к Нему не относится. Конечно, Его собеседника это должно было озадачить [как многие из нас, когда нам не хотят сказать, за кого голосовать, это очень понятно], и Иисус тут же не упускает возможности сделать то, что, напротив, относится к Его деланию» (*Зачем Церковь*, сс. 175).

Поэтому Церкви, которая вторя Иисусу говорит эти вещи, помимо напоминания о позиции, к которой Он призывает, нечего добавить. Это не значит, что, раз Иисус не разрешает споров, Он не говорит ничего, не делает никаких предложений. Возможно вы думаете, что если бы Он разрешил проблему, они перестали бы спорить? Они стали бы спорить снова! Задумаетесь также, если бы мы дали указания для голосования, то проблемы бы закончились? Скорее всего, что если кто-то из нас обратился бы к движению за ясным указанием по голосованию, и движение бы сказало за кого голосовать, то сам просивший, в случае, если это указание не совпало бы с тем, что он уже подумал и решил в сердце, тут же бы возразил: «Но нет! Только не за эту партию!». Таким образом, ведя Себя так с двумя братьями, Иисус не то, чтобы ничего не предлагает, но говорит: если вы хотите разрешить проблему, не спрашивайте Меня о решении, а лучше задайте себе вопрос, какую позицию нужно иметь, чтобы подойти к проблеме правильно, то есть не привязывайтесь к тому, от чего ваша жизнь не зависит. Следовательно Иисус говорит, что если их критерий не помещен в центр, если они не находятся в правильной позиции, они не смогут разрешить спор, они не смогут вынести адекватного решения. «Христос, как и продолжение Его – Церковь [...], пришел не для того, чтобы разрешать вопросы правосудия, но для того, чтобы заложить в сердце человека то условие, без которого справедливость мира сего может расти из того же корня, что и не справедливость» (*Ivi*, с. 176). Как часто нам кажется этого мало, и мы видели это и в современно ситуации, того, что говорит Иисус, нам мало, нам кажется это недостаточно конкретным относительно нашей нужды (чтобы не ошибиться в самом последнем финальном движении). Но обратим внимание на то, что замечает Джуссани, который знает нас, как если бы он родил нас: «Роль Христа и Церкви по отношению к человеческим проблемам ни в коем случае не равна нулю [это реальный вклад, это сущностное предложение; поэтому эта роль] [...] не магическая формула, позволяющая избегать подобных преступлений [по отношению к двум братьям или по отношению к

правосудию], но основа для того, чтобы решение было более человеческим, не обманчивым не односторонним». По чему узнается человечность решения? «Наконец, следует подчеркнуть, что именно свобода есть основной признак человечности решения. Свобода в глубоком, мощном и полном смысле, та свобода, к которой призывают Христос и Церковь, свобода человека бодрствующего, с внимательным взглядом и распахнутой душой стоящего перед своими истоками и своей судьбой» (*Ivi*, с. 177).

В этих словах мы находим совершенный ответ на вопрос об отношении между «я» и «мы». Есть способ отношения между «я» и «мы», которое превозносит «я», наделяет наше «я» способностью выносить суждение (как это случилось для двух братьев), и есть способ (как для родителей из примера), который заменяет собой «я», так, что личность человека не выявляется, не рождается субъект, способный выносить суждение. Можно установить отношение между «я» и «мы» многими способами. Поэтому если мы не помогаем друг другу понять связь, с ясностью установить, каково истинное отношение между «я» и «мы», мы снова спотыкаемся.

Возникают решающие для нашего пути вопросы, которые необходимо прояснить, а не упрекать себя в чем-либо. Когда отец Джуссани говорил, что то, что произошло в начале, следование за внушительностью некоего присутствия («движение зародилось от присутствия, проявляющегося внушительно и пробуждающего к жизни вызов, содержащий обещание, за которым необходимо следовать»), превратилось в «организацию», он улавливал в нашем опыте какое-то искажение. Это не значило, что мы должны перестать быть «мы», но что есть способ пребывания «мы», который не соответствовал «я». Альтернатива искаженному «я» не убирать «мы», чтобы подчеркнуть «я», но вернуть основания этого «мы», которое соответствовало бы потребностям «я». Утверждать «я» не значит идти против «мы». Проблема заключается в том, какой образ «мы» есть у нас в том, как мы думаем о политике, как мы подходим к выборам, как мы сопровождаем друг друга, как мы проживаем общину, живем Братством, живем дружбой, живем отношениями в семье. Какова природа «мы»? Например, когда кто-то противопоставляет «я» и «мы» ошибается, потому что никто не хочет изъять «мы» из опыта: проблема заключается в том, чтобы прояснить, о каком «мы» мы говорим. Итак давайте перестанем говорить, что «я» и «мы» противопоставляются, чтобы продолжать не меняться. Ничего не противопоставляется. Противопоставляется только одно «мы» другому «мы». Когда отец Джуссани говорил, что движение превратилось в организацию, он не говорил, что теперь оно должно стать “жидким”, разреженным, но давал ясное указание к исправлению: он говорил, что община перестала быть местом порождения «я», что она перестала быть «мы», соответствующим потребностям «я». Организация

никогда не ответит на потребности нашего сердца. И если «мы» не является соответствующим местом для «я», то это «мы» не будет больше интересно «я», и оно будет искать другое место, хотим мы этого или нет. Недостаточно абстрактно защищать «мы», потому что люди будут равнодушны к этому; дело в том, что критерий для суждения каждый имеет в себе самом.

Таким образом, суть не только в том, чтобы утверждать некое «мы», а в том, какое «мы», какое «мы» необходимо, для того, чтобы возвращать многие «я», в том, чтобы это «мы» соответствовало «я», чтобы произошло пробуждение «я». И если это пробуждение не происходит вновь, то для всех для нас наступает хаос. Напротив, если эти «я» возникают, возможно обрести в реальности место надежды. Поэтому в своих *Замечаниях о выборах*, напоминая о то, что нам говорил отец Джуссани, мы сказали, что «первый уровень политического влияния живой христианской общины – это само ее существование» (*Il Movimento di Comunione e Liberazione. Conversazioni con Robi Ronza*, Jaca Book, Milano 1987, p. 118). Однако, будем внимательны к тому, что здесь было сказано, потому что вся суть в прилагательных («христианская живая община »): они могу возникать из мест, похожих на организации, где «я» увядает, а могут множиться и расширяться «жизнедеятельные и исконные» общины, которые пробуждают «я», которые интересуют «я», привлекают его, и так христианская община становится одним из главных протагонистов общественной жизни. Какие же это места, где расцветает «я», которые в состоянии уловить изначальные потребности человека и предложить им адекватный ответ? Если мы не будем помогать друг другу в этом, мы только поменяем слова местами, но на самом деле это ничего не изменит. Я хотел бы, чтобы каждый из вас осознал важность этого.

Мы должны возвращать сознание, исполненное того, кем мы являемся, чтобы иметь возможность созидать места, соответствующие взрослению «я» и чтобы не укреплять места, которые являются только «организациями». Мне кажется, что именно на этом уровне происходит главная игра, и именно к этому призывал нас отец Джуссани.

В 1969 г. Иозеф Ратцингер сказал: «Из современного кризиса завтра зародится церковь, которая многое потеряла. Она станет меньше, она должна будет все начать сначала. Она больше не сможет заполнять многие из своих зданий, которые она воздвигла в самые благоприятные времена. Кроме того, что она будет терять своих сторонников численно, она потеряет также многие свои привилегии в обществе. [...] Это будет церковь [...], которая не хвастается своим политическим мандатом и не заигрывает ни с левыми, ни с правыми. [...] На самом деле процесс кристаллизации и просветления также будет стоять больших сил. Он сделает ее бедной, она станет Церковью малых. [...] Этот процесс будет долгим и

утомительным [...]. Однако после испытаний, принесенных этими разделениями из церкви [...] упрощенной станет исходить великая сила» (*Fede e futuro*, Queriniana, Brescia 1971, pp. 114-116). Именно это произошло с народом Израиля: когда он лишился всего, проявился тот «остаток», о котором говорил в эти дни Бенедикт XVI, остаток Израиля. Именно это сказал отец Джуссани много лет назад: «Реально – не для связи слов, не намеренно, но реально –, если бы нас осталось десять из всего движения, это желание истины движения оставило бы нас болезненно незатронутыми, болезненно в покое и болезненно исполненными жизни, чтобы начинать сначала, чтобы постоянно начинать сначала». Что имеет в виду Джуссани в этом радикальном примере? Что «наше поведение не будет определяться как эйфория или разрушение, как экзальтация или как скука, или как разочарование, результатом дел, общественным результатом дел» (*Consiglio nazionale di CL*, Milano, 15-16 gennaio 1977). Поэтому мы должны были бы, благодаря тому, что мы проживаем, вновь с простотой начать с новых жестов, новых мест, где рождаются новые и разные люди. Все это подводит нас к последнему пункту.

3. Неотъемлемость веры от жизненных потребностей

Какого-либо «мы» недостаточно, какого-либо места недостаточно, потому что мы можем стать ассоциацией, вместо движения, и мы можем начать так ничему и не научившись. Именно здесь объединяются призыв Года Веры, Синод епископов с его призывом к обращению и жест отречения Папы. Друзья, если мы не проверяем именно в этой ситуации, в которой мы находимся, неотъемлемость веры от потребностей жизни, наша вера не устоит, и у нас не останется адекватных причин оставаться христианами. Мы можем не уходить из Общения и Освобождения, но наш интерес будет укоренен в другом месте: Христос не будет центром нашей привязанности, Христос не будет тем, что у нас есть самого дорогого. Вызов отца Джуссани останется прежним перед нашими глазами: либо вера – это присутствующий опыт, который ею подтверждается... либо каково подтверждение? То, что может ответить на потребности жизни, от воспитания детей до политики, от проблем со здоровьем до проблемы с работой, от личных проблем до проблем социальных. Если бы вера нужна была для чего-то другого, то она перестала быть верой, которая в состоянии противостоять в том мире, где все, все говорит противоположное.

Если вера для нас не является постоянным открытием ее неотъемлемости от потребностей жизни, поэтому потребностей, которые есть у нас на работе или на этих выборах, это становится началом дуализма. Именно здесь коренится вызов: Христос столь реален, что может ответить на наши потребности? Он настолько реален, как свидетельствует

святой Амвросий, что ставит человека в такие условия, чтобы он бросил вызов императору, освобождает его до такой степени? Жизнь человека зиждется на удовлетворении, как напоминает нам святой Фома «Жизнь человека состоит в привязанности, которая его, которая его главным образом поддерживает и в которой он находит свое самое большее удовлетворение» (сfr. *Summa Theologiae*, II, IIæ, q. 179, a. 1). Поэтому либо мы на опыте испытываем реальное удовлетворение, потому что Христос не абстрактен, а реален, как свидетельствовал нам Папа своим жестом, либо мы, не имея этого удовлетворения, будем искать удовлетворение в другом месте, в крохах, бросаемых нам властью. Но крох слишком мало для способностей нашей души. Если Христос – это не тот опыт, который нас удовлетворяет, то мы как все зависим от результатов других вещей: от событий выборов или от развития собственной карьеры или от своих планов. Только серьезно приняв всю свою нужду, мы можем понять, что такое настоящее христианское предложение, какое предложение несет в себе присутствие Христа. А иначе мы как все: когда дела идут хорошо, мы довольны, а когда они идут плохо мы расстроены. Мы никогда не свободны! Потому что свобода жеста Папы, зиждется на полноте, на той полноте, которая исходит от отношения с присутствующим Христом. Когда недостает сознания того, чем мы являемся, и мы не принимаем проблематичность жизни, из которой исходит потребность нашего «я» во всеобъемлемости, мы даже не осознаем, чем является Христос, какова ценность Христа для нас. Но тогда вера находится под угрозой: проблема заключается в том, что Христос не в состоянии взять наше «я», а если он его не берет, то мы превращаемся в блуждающие мины.

Поэтому настало время подвести итоги, то есть, чтобы каждый посмотрел на себя самого и ответил на вопрос: А стал ли я в течение всего этого времени, с начала этого года, который постоянно бросает нам вызов, увереннее во Христе или нет? Потому что иначе, довольные или поверженные, мы потеряли время. Мы бросаемся то в одну, то в другую сторону, но потенциально разочарованы в вере: вера опустошается, потому что мы не видим в нашем опыте неотъемлемости веры от потребностей жизни. Нельзя начать сначала просто поменять слова местами, или стратегию, только в обращении. Если мы не обращаемся, если мы не испытываем в реальном опыте присутствующего Христа, мы снова повторяем прошлые ошибки и ограничения.

Прошедший год являет мощнейший призыв Бога к обращению и поэтому к опыту полноты и свободы, порожденной современным присутствием Христа, который единственный способен бросить вызов тому видению, которое есть у многих о нашем движении: как о политической группе, стремящейся к власти. Если мы не испытываем этого

исполнения на опыте, этой человеческой инаковости, мы не сможем ответить на вызовы обстоятельств.

Чтобы такой опыт стал возможным, Тайна явила нашим глазам обезоруживающий жест Бенедикта XVI в его уверенном и радостном лице. Каждый волен говорить, что хочет, но за дверьми Капель Гондольфо, которые закрывались на наших глазах, было радостное лицо человека. Какую насыщенность приобретает тогда для нас известные слова святого Амвросия: *Ubi fides, ibi libertas* (Ep. 65,5) (Где вера, там свобода). Вера – это признание присутствия в настоящем, столь реальное, что делает возможным свободу, и явную и тихую радость. В этом смысл жеста Папы.